

А.Н. Афанасьев

Народные русские сказки

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

А94 **Афанасьев А.Н.**
Народные русские сказки: Том 2 / А.Н. Афанасьев – М.: Книга по Требованию,
2021. – 686 с.

ISBN 978-5-518-07582-5

ISBN 978-5-518-07582-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и вмигъ передъ тобой явится все, что душѣ угодно!» Поцѣловалъ ее еще разъ, обернулся яснымъ соколомъ и улетѣлъ за темный лѣсъ. Дѣвушка посмотрѣла вслѣдъ своему суженому, затворила окно и легла почивать. Съ той поры каждую ночь, лишь поставитъ она аленькой цвѣточекъ на растворенное окошечко, прилетаетъ къ ней доброй молодецъ Финистъ-ясѣнь соколъ.

Вотъ наступило воскресенье. Старшія сестры стали къ обѣднѣ наряжаться; «а ты что надѣнешь? у тебя и обновокъ-то нѣту!» говорятъ младшей. Она отвѣчаетъ: «ничего, я и дома помолюсь!» Старшія сестры ушли къ обѣднѣ, а меньшуха сидитъ у окна вся запачканная, да смотреть на православной народъ, что идетъ къ церкви божіей. Выждала время, вышла на крылечко, махнула цвѣтнымъ пѣрушкомъ въ правую сторону, и откуда ни возьмись — явились передъ ней и карета хрустальная, и кони заводскіе, и прислуга въ золотѣ, и платья и всякіе уборы изъ дорогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ. Въ минуту одѣлась красная дѣвица, сѣла въ карету и понеслась въ церковь. Народъ смотритъ да красотѣ ея дивуется; «видно, какая-нибудь царица пріѣхала!» говорятъ промежъ себя люди. Какъ запѣли «Достойно», она тотчасъ вышла изъ церкви, сѣла въ карету и укатила назадъ. Людѣ православной вышелъ было поглазѣть, куда она поѣдетъ; да не тутъ-то было! давно и слѣдъ простылъ. А наша красавица лишь подѣхала къ своему крылечку, тотчасъ махнула цвѣтнымъ пѣрушкомъ въ лѣвую сторону: вмигъ прислуга ее раздѣла и карета изъ глазъ пропала. Сидитъ она по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывала, да смотреть въ окошечко, какъ православные изъ церкви по домамъ расходятся. Пришли и сестры домой: «ну, сестрица! говорятъ, какая красавица была нонче у обѣдни! просто заглядѣнье, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Должно быть, царица изъ иныхъ земель пріѣхала—

такая пышная, разодѣтая!» Наступаетъ другое и третье воскресенье; красная дѣвица знай морочить народъ православной, и сестеръ своихъ, и отца съ матерью. Да въ послѣдній разъ стала раздѣваться, и позабыла вынуть изъ косы бриллиантовую булавку. Приходятъ изъ церкви старшія сестры, рассказываютъ ей про царевну-красавицу, да какъ взглянуть на сестру-меньшую, а бриллиантъ такъ и горитъ у нея въ косѣ. «Ахъ, сестрица! что это у тебя? закричали дѣвушки; вѣдь точно-точно эдакая булавка была сегодня на головѣ у царевны. Откуда ты достала ее?» Красная дѣвица ахнула и убѣжала въ свою свѣтёлку. Распросамъ, догадкамъ, перешептываньямъ конца не было; а меньшая сестра молчитъ себѣ да потихоньку смѣется. Вотъ большія сестры стали замѣчать за нею, стали по ночамъ у свѣтёлки подслушивать, и подслушали одинъ разъ разговоръ ея съ Финистомъ-яенымъ соколомъ, а на зарѣ своими глазами увидѣли, какъ выпорхнулъ онъ изъ окна и полетѣлъ за темный лѣсъ. Злая, видно, были дѣвушки—большія сестрицы! Уговорились онѣ поставить на вечеръ потаенные ножи на окнѣ сестриной свѣтёлки, чтобы Финистъ-ясѣнь соколъ подрѣзалъ свои цвѣтныя крылушки. Вздумали—сдѣлали, а меньшая сестра и не догадалась, поставила свой аленькой цвѣточекъ на окно, прилегла на постель и крѣпко заснула. Прилетѣлъ Финистъ-ясѣнь соколъ да какъ порхнетъ въ окошко и обрѣзалъ свою лѣвую ножку; а красная дѣвица ничего не вѣдаетъ, спитъ себѣ такъ сладко, такъ спокойно! Сердито взвился ясѣнь соколъ въ поднебесье и улетѣлъ за темный лѣсъ.

Поутру проснулась красавица, глядитъ во все стороны—ужь свѣтло, а добра молодца нѣтъ какъ нѣтъ! Какъ взглянетъ на окно, а на окнѣ крестъ на крестъ торчатъ ножи острые и каплетъ съ нихъ алая кровь на цвѣтокъ. Долго дѣвица заливалась горькими слезами, много бессонныхъ ночей провела у окна

своей свѣтѣлки, пробовала махать цвѣтнымъ пѣрушкомъ — все напрасно: не летитъ ни Финистъ-ясѣнь соколъ, ни слугъ не шлѣтъ! Наконецъ со слезами на глазахъ пошла она къ отцу, выпросила благословеніе: «пойду, говоритъ, куда глаза глядятъ!» Приказала себѣ сковать три пары желѣзныхъ башмаковъ, три костыля желѣзные, три колпака желѣзные и три просвиры желѣзныя; пару башмаковъ на ноги, колпакъ на голову, костыль въ руки и пошла въ ту сторону, откуда прилеталъ къ ней Финистъ-ясѣнь соколъ. Идетъ лѣсомъ дремучимъ, идетъ черезъ пни-колоды; ужъ желѣзные башмаки истаптываются, желѣзной колпакъ изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная дѣвица все идетъ да идетъ, а лѣсъ все чернѣе, все чаще. Вдругъ видитъ: стоитъ передъ ней чугунная избушка на курьихъ ножкахъ и безпрестанно повертывается. Дѣвица говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась къ ней передомъ. Вошла въ избушку, а въ ней лежитъ баба-яга — изъ угла въ уголь, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ ¹⁾. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русской духъ по вольному свѣту ходитъ, въ очью является ²⁾, въ носъ бросается! Куда путь, красная дѣвица, держишь? отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — Былъ у меня, бабуся, Финистъ-ясѣнь соколъ-цвѣтныя пѣрушки; сестры мои ему зло сдѣлали. Ищу теперь Финиста-ясна сокола. «Далеко-жъ тебѣ идти, малютка! надо пройти еще тридевять земель. Финистъ-ясѣнь соколъ-цвѣтныя пѣрушки живетъ въ пятидесятомъ царствѣ, въ осьмидесятомъ государствѣ, и ужъ сосватался на царевнѣ.» Баба-яга накормила-напоила дѣвицу, чѣмъ Богъ послалъ, и спать уложила, а на утро, только свѣтъ началъ брезжиться, разбудила ее, дала дорогій

¹⁾ Вар. а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, въ чугунной ступѣ.

²⁾ Вар. въ-явѣ видится.

подарокъ — золотой молоточекъ да десять брилльянтовыхъ гвоздиковъ, и наказываетъ: «какъ прійдешь къ синему морю, невѣста Финиста-ясна сокола выйдетъ на берегъ погулять, а ты возьми золотой молоточекъ въ ручки и поколачивай брилльянтовые гвоздики; станетъ она ихъ покупать у тебя, ты, красная дѣвица, ничего не бери, только проси посмотрѣть Финиста-ясна сокола. Ну, теперь ступай съ Богомъ къ моей средней сестрѣ!» Опять идетъ красна дѣвица темнымъ лѣсомъ — все дальше и дальше, а лѣсъ все чернѣе и гуще, верхушками въ небо вѣтся. Ужь другіе башмаки истаптываются, другой колпакъ изнашивается, желѣзной костыль ломается и желѣзная просвира изгрызена — и вотъ стоитъ передъ дѣвицей чугунная избушка на курьихъ ножкахъ и безпрестанно повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; мнѣ въ тебя лѣзти — хлѣба ѣсти.» Избушка повернулась къ лѣсу задомъ, къ дѣвицѣ передомъ. Входитъ туда, а въ избушкѣ лежитъ баба-яга — изъ угла въ уголь, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слышать, а нынче русской духъ по вольному свѣту сталъ ходить! Куда, красная дѣвица, путь держишь?» — Ищу, бабуся, Финиста-ясна сокола. «Ужь онъ жениться хочеть! нонче у нихъ дѣвшиникъ», сказала баба-яга, накормила-напоила и спать уложила дѣвицу, а на утро чуть свѣтъ будить ее, даетъ золотое блюдечко съ брилльянтовымъ шарикомъ и крѣпко-накрѣпко наказываетъ: «какъ прійдешь на берегъ синя моря да станешь катать брилльянтовой шарикъ по золотому блюдечку, выйдетъ къ тебѣ невѣста Финиста-ясна сокола, станетъ покупать блюдечко съ шарикомъ; а ты ничего не бери, только проси посмотрѣть Финиста-ясна сокола-цвѣтныя пѣрушки. Теперь ступай съ Богомъ къ моей старшей сестрѣ!» Опять идетъ красна дѣвица темнымъ лѣсомъ — все дальше и дальше, а

лѣсъ все чернѣе и гуще. Ужь третья башмаки истаптываются, третій колпакъ изнашивается, послѣдній костыль ломается и послѣдняя просвира изглодана. Стоитъ чугунная избушка на курьихъ ножкахъ—то идѣло поворачивается. «Избушка, избушка! повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; мнѣ въ тебя лѣзти—хлѣба ѣсти.» Избушка повернулась. Въ избушкѣ опять баба-яга, лежитъ изъ угла въ уголь, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ было не слышать, а нынче русской духъ по вольному свѣту ходитъ! Куда, красная дѣвица, путь держишь?»—Ищу, бабуся, Финиста-ясна сокола. «Ахъ, красная дѣвица, ужь онъ на царевнѣ женился! вотъ тебѣ мой быстрей конь, садись и поѣзжай съ Богомъ!» Дѣвица сѣла на коня и помчалась дальше, а лѣсъ все рѣже да рѣже.

Вотъ и синѣ море — широкое и раздольное — разлилось передъ нею, а тамъ вдали какъ жаръ горять золотыя маковки на высокихъ теремахъ бѣлокаменныхъ. «Знать это царство Финиста-ясна сокола!» подумала дѣвица, сѣла на сыпучій песокъ и поколачиваетъ золотымъ молоточкомъ брилльянтовые гвоздики. Вдругъ идетъ по берегу царевна съ мамками, съ няньками, съ вѣрными служанками, остановилась и ну торговать брилльянтовые гвоздики съ золотымъ молоточкомъ. «Дай мнѣ, царевна, только посмотрѣть на Финиста-ясна сокола, я тебѣ ихъ даромъ уступлю», отвѣчаетъ дѣвушка.—Да Финистъ-ясенъ соколъ теперь спитъ, никого не велѣлъ пускать къ себѣ; ну, да отдай мнѣ свои прекрасныя гвоздики съ молоточкомъ — ужь я, такъ и быть! покажу его тебѣ. Взяла молоточекъ и гвоздики, побѣжала во дворецъ, воткнула въ платье Финиста-ясна сокола волшебную булавку, чтобы онъ покрѣпче спалъ да побольше отъ сна не вставалъ; послѣ приказала мамкамъ проводить красную дѣвицу во дворецъ къ своему мужу-ясну соколу, а сама гулять пошла. Долго

дѣвица убивалась, долго плакала надъ милымъ; никакъ не могла разбудить его... Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. Финистъ-ясѣнь соколъ проснулся: «ухъ, какъ я долго спалъ! Здѣсь, говоритъ, кто-то былъ, все надо мной плакалъ да причитывалъ; только я никакъ не могъ глазъ открыть — такъ тяжело мнѣ было!» — Это тебѣ во снѣ привидѣлось! отвѣчаетъ царевна; здѣсь никто не бывалъ! На другой день красная дѣвица опять сидитъ на берегу синяго моря и катаетъ брилліантовой шарикъ по золотому блюдечку. Вышла царевна гулять, увидала и проситъ: «продай мнѣ!» — Позволь только посмотрѣть на Финиста-ясна сокола, я тебѣ и даромъ уступлю! Царевна согласилась, и опять приколола платье Финиста-ясна сокола булавкою. Опять красна дѣвица горько плачетъ надъ милымъ, и не можетъ разбудить его. На третій день она сидитъ на берегу синяго моря такая печальная, грустная, и кормитъ своего коня калѣными угольями. Увидала царевна, что конь жаромъ кормится, и стала торговать его. «Позволь только посмотрѣть на Финиста-ясна сокола, я тебѣ его и даромъ отдамъ!» Царевна согласилась, прибѣжала во дворецъ, и говоритъ: «Финистъ-ясѣнь соколъ! дай я тебѣ въ головѣ пощучу.» Съла въ головѣ искать и воткнула ему въ волосы булавку — онъ тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ; послѣ посылаетъ своихъ мамокъ за красной дѣвицей. Та пришла, будитъ своего милаго, обнимаетъ, цѣлуетъ, а сама горько-горько плачетъ; вѣтъ, не просыпается! Стала ему въ головѣ искать и выронила нечаянно волшебную булавку — Финистъ-ясѣнь соколъ-цвѣтныя пѣрушки тотчасъ проснулся, увидѣлъ красную дѣвицу и такъ-то обрадовался! Она ему рассказала все, какъ было: какъ позавидовали ей злыя сестры, какъ она странствовала и какъ торговалась съ царвеною. Онъ полюбилъ ее больше прежняго, поцѣловалъ въ уста сахарныя, и велѣлъ

не мѣшкающая созвать бояръ и князей и всякаго чину людей. Сталъ у нихъ спрашивать: «какъ вы разсудите, съ которой женою мѣ въкъ коротать — съ этой-ли, что меня продавала, или съ этою, что меня выкупала?» Всѣ бояре и князья и всякаго чину люди въ одинъ голосъ рѣшили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что его продавала, повѣсить на воротахъ и разстрѣлять. Такъ и сдѣлалъ Финисть-ясеень соколъ-цвѣтныя пѣрушки! ¹⁾

(Записана въ вологодской губерніи.)

2.

БУРЯ-БОГАТЫРЬ ИВАНЪ-КОРОВІЙ-СЫНЪ ²⁾.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ король съ своею королевою; не имѣли они дѣтей, а жили вмѣстѣ годовъ до десяти, такъ что король послалъ по всѣмъ царямъ, по всѣмъ городамъ, по всѣмъ народамъ — по чернети ³⁾: кто бы могъ полѣчить, чтобъ королева забеременела? Съѣхались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормилъ ихъ дѣсыта, напоилъ всѣхъ дѣсьяна, и

¹⁾ *Вариантъ*: Финисть-ясеень соколъ, узнавши, что царевна продавала его за брилліанты, за золото, велѣлъ своимъ слугамъ согнать ее со двора; а самъ обвинчался на душѣ-красной дѣвицѣ. Нечего и говорить, какъ было весело на этой свадьбѣ; много было тутъ и царей и царевичей, и королев и королевичей, и всякаго люду православнаго. Я и самъ тамъ былъ, медь-вино пилъ, по усу текло, да въ ротъ не пошло.

²⁾ См. вып. II, № 30; вып. III, № 2; вып. V, № 54; вып. VII, № 3, и въ этомъ вып. № 9. — ³⁾ Чернеть — простой народъ, чернь (Дополн. къ Опыту областн. великор. словаря, стр. 299).

началъ выпрашивать. Никто не знаетъ-не вѣдаетъ, никто не берется сказать, отъ чего-бъ королева могла плодъ понести; только взялся крестьянской сынъ. Король вынимаетъ и даетъ ему полнѹ горсть червонцевъ, и назначаетъ сроку три дня. Ну, крестьянской сынъ взялся-взялся, а что сказать — того ему и во снѣ не снилося; вышелъ онъ изъ города и задумался крѣпко. Попадается ему на встрѣчу старушка: «скажи мнѣ, крестьянской сынъ, о чемъ ты задумался?» Онъ ей отвѣчаетъ: «молчи, старая хрычовка, не досаждай мнѣ!» Вотъ она впередъ забѣжала, и говоритъ: «скажи мнѣ думу свою крѣпкую; я человекъ старой, все знаю.» Онъ подумалъ: «за что я ее избранилъ? можетъ быть, что и знаетъ. Вотъ, бабушка, взялся я королю сказать, отъ чего бы королева плодъ понесла; да самъ не знаю.» — То-то! а я знаю; поди къ королю и скажи, чтобъ связали три невода шелковые: которое море подъ окошкомъ — въ немъ есть щука златокрылая, противъ самаго дворца завсегда гуляетъ. Когда поймаетъ ее король да изготовить, а королева покушаетъ, тогда и понесетъ дѣтище. Крестьянской сынъ самъ поѣхалъ ловить на море; закинулъ три невода шелковые — щука вскочила и порвала всѣ три невода. Въ другой разъ закинулъ — тожъ порвала. Крестьянской сынъ снялъ съ себя поясъ и съ шеи шелковой платочекъ, завязалъ эти невода, закинулъ въ третій разъ — и поймалъ щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взялъ и понёсъ къ королю. Король приказалъ эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королевѣ. Повара щуку чистили да мыли, помои за окошко лили; пришла корова, оплощины ¹⁾ выпила. Какъ скоро повара щуку изжарили, прибѣжала дѣвка-чернавка, положила ее на блюдо понесла къ королевѣ, да дорогою оторвала крылышко и попробовала. Всѣ три

¹⁾ Помои (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр. 161).

понесли въ одинъ день, въ одинъ часъ: корова, дѣвка-чернав-ка и королева. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣ-ляется. Черезъ нѣсколько времени приходитъ со скотнаго дво-ра скотница, докладываетъ королю, что корова родила чело-вѣка. Король весьма удивился; не успѣлъ онъ принять эти рѣчи, какъ бѣгутъ сказать ему, что дѣвка-чернавка родила мальчика точь-въ-точь, какъ коровій сынъ; а велѣдъ за тѣмъ приходятъ докладывать, что и королева родила сына точь-въ-точь, какъ коровій — голосъ въ голосъ и волосъ въ волосъ. Чудные уродились мальчики! Кто растетъ по годамъ, а они растутъ по часамъ; кто въ годъ — они въ часъ таковы, кто въ три года — они въ три часа. Стали они на возрастѣ, заслышали въ себѣ силу могучую, богатырскую, приходятъ къ отцу-королю и просятъ въ городъ погулять, людей посмо-трѣть и себя показать. Онъ имъ позволилъ, наказалъ гулять тихо и смирно, и далъ денегъ столько, сколько взять смогли. Пошли добрые мѣлодцы: одинъ назывался Иванъ-царевичъ, дру-гой Иванъ-дѣвкинъ сынъ, третій Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ; ходили-ходили, ничего не купили. Вотъ Иванъ-царевичъ завидѣлъ стеклянные шарики, и говоритъ братьямъ: «давайте, братцы, купимъ по шарикъ да станемъ вверхъ бросать; кто броситъ выше, тотъ у насъ будетъ старшій.» Братья согласи-лись; кинули жеребій — кому бросать впередъ? вышло Ивану-царевичу. Онъ кинулъ высоко, а Иванъ-дѣвкинъ сынъ еще выше, а Буря-богатырь-коровій сынъ такъ закинулъ, что изъ виду пропалъ, и говоритъ: «ну теперь я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «какъ-такъ коровій сынъ, а хочетъ быть старшимъ!» На то Буря-богатырь ему отвѣчалъ: «видно такъ Богу угодно, чтобъ вы меня слушались.» Пошли они путемъ-дорогою, приходятъ къ Черному морю, въ морѣ клохчетъ гадъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: «давайте, братцы! кто этотъ гадъ уймётъ, тотъ изъ насъ будетъ большой!» Братья

согласились. Буря-богатырь говоритъ: «унимай ты, Иванъ-царевичъ! уймешь — будешь надъ нами старшій.» Онъ началъ кричать, унимать, гадъ пуще разолился. Потомъ началъ унимать Иванъ-дѣвкинъ сынъ — тоже ничего не сдѣлалъ. А Буря-богатырь закричалъ да свою тросточку въ воду бросилъ — гаду какъ не бывало! и опять говоритъ: «я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «не хотимъ быть меньшими братьями!» — Ну такъ оставайтесь сами по себѣ! оказалъ Буря-богатырь и воротился въ свое отечество; а тѣ два брата пошли — куда глаза глядятъ. Король узналъ, что Буря-богатырь одинъ пришелъ, и приказалъ посадить его въ крѣпость; не даютъ ему ни пить, ни ѣсть трое сутокъ. Богатырь застучалъ кулакомъ въ каменную стѣну и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «доложите-ка своему королю, а моему названному отцу, за что-про что онъ меня не кормить? мнѣ ваши стѣны не стѣны и рѣшотки не рѣшотки, захочу — все кулакомъ разшибу!» Тотчасъ докладываютъ все это королю; король приходитъ къ нему самъ и говоритъ: «что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» — Названной мой батюшка! за что-про что ты меня не кормишь, трое сутокъ голодною смертью моришь? я не знаю за собой никакой вины. «А куда ты дѣвалъ моихъ сыновей, а своихъ братьевъ?» Буря-богатырь - коровій сынъ рассказалъ ему, какъ и что было: «братья живы, здоровы, ничѣмъ невредимы, а пошли — куда глаза глядятъ.» Король спрашиваетъ: «отчего же ты самъ съ ними не пошелъ?» — Отъ того, что Ивану-царевичу хочется быть старшимъ, а по жеребью мнѣ достается. «Ну, хорошо! я пошлю воротить ихъ.» Буря-богатырь говоритъ: «никто, окромя меня, не догонитъ ихъ; они пошли въ такія мѣста — въ змѣиные края, гдѣ выѣзжаютъ изъ Чернаго моря три змѣя шести, девяти и двѣнадцати-главые.» Король началъ его просить; Буря-богатырь - коровій сынъ собрался во путь - во дороженьку, взявъ палицу бое-